

А. Г. ЗУБКОВА

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА В ЕЕ РАЗВИТИИ

ОТ НАТУРОЦЕНТРИЗМА
К ЛОГОЦЕНТРИЗМУ
ЧЕРЕЗ СИНТЕЗ
К ЛИНГВОЦЕНТРИЗМУ
И К НОВОМУ СИНТЕЗУ

STUDIA PHILOLOGICA

Л. Г. ЗУБКОВА

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА В ЕЕ РАЗВИТИИ

ОТ НАТУРОЦЕНТРИЗМА
К ЛОГОЦЕНТРИЗМУ
ЧЕРЕЗ СИНТЕЗ
К ЛИНГВОЦЕНТРИЗМУ
И К НОВОМУ СИНТЕЗУ



ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ЯСК
МОСКВА 2016

ББК 81
УДК 80/81
3 91



Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 16-04-16095

3 91 **Зубкова Л. Г.**
Теория Языка в ее развитии: от натуроцентризма к логоцен-
тризму через синтез к лингвоцентризму и к новому синтезу. —
М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. — 624 с. — (Studia Philologica.)

ISBN 978-5-9907947-1-9

В книге анализируются ключевые философско-лингвистические и лингвистические концепции начиная с Античности до наших дней, т. е. показаны истоки и эволюция идей, заложивших основы современного понимания природы и сущности языка.

Прослеживается разработка таких проблем, как объект, предмет, метод и структура языкознания; его место в системе языка; функции языка; язык и общество; язык — мышление — действительность; языковой знак; язык и речь; система и структура языка; общее, особенное и отдельное в языке; природа межъязыковых различий; развитие языка.

Выявлены принципиальные расхождения в решении названных проблем между системными лингвистическими концепциями И. Г. Гердера, В. Гумбольдта, А. А. Потебни, И. А. Бодуэна де Куртенэ, исходящими из диалектического триединства мира, человека и языка, и аспектирующими концепциями А. Шлейхера, Г. Пауля, Ф. де Соссюра, метафизически противопоставляющими природное и социальное, физическое и психическое, индивидуальное и общественное в человеке и его языке.

Для студентов и аспирантов филологических специальностей, а также читателей, интересующихся теоретическими вопросами языкознания, его эволюцией.

УДК 80/81
ББК 81

ISBN 978-5-9907947-1-9



9 785990 794719 >

© Л. Г. Зубкова, 2016
© Издательский Дом ЯСК, 2016

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	13
<i>Введение. Эволюция общей теории языка</i>	24
1. Основное направление эволюции	24
2. Аспектирующие и синтезирующие концепции	34
<i>Глава первая. Общая теория языка с античности до конца XVIII в.</i>	40
1. Место теории языка в системе знаний	40
2. Античность	44
2.1. Язык — мышление — действительность.	44
2.1.1. Природа — человек — язык	44
2.1.2. Формы познания и язык. Истоки рационалистической тенденции в анализе языка	47
2.2. Античные теории языкового знака	52
3. Средневековье	59
3.1. Отцы церкви	60
3.2. Модисты.	62
4. Новое время	67
4.1. Рационалистическая тенденция.	67
4.1.1. «Грамматика» и «Логика» Пор-Рояля.	68
4.1.2. «Методическая энциклопедия. Грамматика и литература»	80
4.2. Эмпирико-сенсуалистическая тенденция	83
4.2.1. Общая характеристика	83
4.2.2. Э. Б. де Кондильяк	93
4.2.2.1. Э. Б. де Кондильяк: язык как аналитический метод	93
4.2.2.2. «Грамматика» Э. Б. де Кондильяка	101
<i>Глава вторая. И. Г. Гердер</i>	111
1. Происхождение языка.	111
2. Развитие языка.	114
3. Общие свойства языков	116
4. Межъязыковые различия	118
<i>Глава третья. В. фон Гумбольдт</i>	124
1. Языкознание как наука	125
2. Язык и дух	128

3. Язык — мышление — действительность	131
3.1. Язык как отражение	131
3.2. Язык и мышление	135
4. Язык как деятельность	140
4.1. Деятельностная природа языка	140
4.2. Язык и речь	142
4.3. Виды речевой деятельности: говорение и понимание	143
5. Язык как система. Членораздельность и форма языка	146
5.1. Членораздельность и символичность. Две области членения	146
5.2. Форма языка	149
6. Природа межъязыковых различий.	159
7. Возникновение и развитие языка.	170
<i>Глава четвертая. А. Шлейхер</i>	181
1. Истоки и принципы лингвистической концепции А. Шлейхера	181
2. Языкознание как наука	186
3. Язык как материальное явление. Язык и мышление	189
4. Происхождение и развитие языка	191
5. Природа межъязыковых различий.	198
<i>Глава пятая. А. А. Потебня</i>	204
1. Языкознание как наука	205
2. Язык как одна из форм мысли	209
3. Учение о слове.	212
3.1. Языковое и внеязычное содержание	212
3.2. Отношения между элементами слова	214
3.3. Слово как акт познания и творчества. Речь и понимание как творческий процесс	218
4. Язык как знаковая система	222
5. Природа межъязыковых различий.	229
6. Развитие мышления и языка	233
6.1. Развитие мышления. Его типы	233
6.2. Развитие языка.	237
<i>Глава шестая. Г. Пауль</i>	248
1. Языкознание как наука	248
2. Индивид и общество. Индивидуальный язык и языковой узус	250
3. Состояние языка. Системность	252
4. Развитие языка.	257
<i>Глава седьмая. И. А. Бодуэн де Куртенэ</i>	262
1. Языкознание как наука	263
2. Язык и человек в антропологическом и социальном аспектах.	270
3. Индивидуальный и коллективный язык	277
4. Язык как система.	280

5. Происхождение и развитие языка	296
5.1. Начало языка	296
5.2. Развитие и история языка	302
5.3. Внешняя и внутренняя история	303
5.3.1. Внешняя история	304
5.3.2. Внутренняя история	306
6. Языковые сходства и различия	319
<i>Глава восьмая. Ф. де Соссюр</i>	327
1. Языкознание как наука	327
2. Система языка	342
3. Природа межъязыковых различий	346
4. Развитие языка	347
<i>Глава девятая. Язык в зеркале знаковых теорий</i>	352
1. Синтезирующий подход: Платон, В. фон Гумбольдт, А. А. Потебня	352
2. Аспектирующий подход: Ф. де Соссюр	370
3. К целостной концепции языкового знака: К. Бюлер	380
<i>Глава десятая. От гипотезы Сепира — Уорфа к новому синтезу в теории языка</i>	395
1. Э. Сепир	395
2. Б. Л. Уорф	415
3. Г. Гийом	423
4. Э. Бенвенист	435
<i>Глава одиннадцатая. Н. Я. Марр</i>	452
1. Языкознание как наука	452
2. Происхождение языка	457
3. Язык и мышление. Стадии их развития	468
4. Глоттогонический процесс и классификация языков	474
<i>Глава двенадцатая. Структурная лингвистика</i>	479
<i>Глава тринадцатая. Н. Хомский</i>	501
1. Языкознание как наука	501
2. Креативность языка	502
3. Подход к объяснению усвоения и употребления языка	504
4. Универсальная грамматика	507
5. Врожденная умственная структура как основание универсальной грамматики и знания языка	508
6. Языковая способность как развивающееся свойство мозга	510
7. Минималистская программа	511
8. Язык и внешний мир	515
<i>Глава четырнадцатая. Г. П. Мельников</i>	518
1. Систематизация как философское обоснование методологии лингвистики	519

2. Системная типология языков	521
3. Детерминанта системы: внешняя и внутренняя.	523
3.1. Внешняя детерминанта языкового типа	523
3.2. Основные принципы системной типологии языков и внутренняя детерминанта языкового типа	528
<i>Глава пятнадцатая. А. Д. Кошелев.</i>	534
1. От кризиса в лингвистике и других когнитивных науках к его преодолению путем нового синтеза	537
2. Референциальный подход к лексической семантике	539
2.1. Сенсорная лексика	539
2.2. Структура лексической полисемии	546
3. Базовые концепты как нейробиологические коды памяти	548
4. Элементы сенсорной грамматики	551
5. Сенсорное предложение. Сенсорный язык. Когнитивный язык мысли.	559
<i>Заключение.</i>	563
1. Функции языка в отношении к миру и человеку	563
2. Важнейшие расхождения между синтезирующими и аспектирующими концепциями в решении основных общелингвистических проблем	568
3. Языковое мышление как основа лингвистического. К характеристике вклада отечественной традиции в теорию языка	578
3.1. Эволюция языковедного мышления и его отношение к языковому мышлению	578
3.2. Духовные и языковые корни отечественной традиции в теории языка	587
<i>Литература.</i>	599
<i>Указатель имен.</i>	615

ПРЕДИСЛОВИЕ

Системный подход к теории языка достигается путем двойного рассмотрения той или иной проблемы: с одной стороны, *в контексте определенной концепции*, с другой стороны — *в контексте эволюции решений* данной проблемы на протяжении веков.

В предыдущей книге «Эволюция представлений о языке» (М.: ЯСК, 2015) прослеживается решение двух центральных проблем: язык в отношении к внутреннему и внешнему миру человека, язык как система знаков.

В настоящей книге, посвященной анализу ключевых философско-лингвистических учений, автор прослеживает развитие общей теории языка с античности до наших дней. Прежде всего представляется необходимым по возможности полно и объективно *реконструировать систему общелингвистических взглядов* языковедов прошлого и осветить их вклад в разработку таких проблем, как объект, предмет, метод и структура языкознания; его место в системе наук; функции языка; язык и общество; язык — мышление — действительность; языковой знак; язык и речь; система и структура языка; природа межъязыковых различий; развитие языка.

Отсюда максимальная опора на *источники*, а не на их переложения и критику, так чтобы читатель мог ознакомиться с достаточно полным сводом собственных высказываний классиков языкознания по основным общелингвистическим проблемам. Собрать свод таких высказываний, понять их логику и связь тем более важно, что зачастую они рассыпаны по разным работам, а хрестоматии, в которых весь спектр названных проблем был бы охвачен с необходимой полнотой, отсутствуют.

В изложении *ключевых* теорий языка автор стремился показать методологическую значимость адекватного выявления *детерминанты* каждой из них. Детерминантный подход, блестяще оправдавший себя при анализе различных системных объектов, включая естественные языки и литературные произведения, вполне применим и к таким особым системам, как теории, гипотезы и т. п. Выявить детерминанту той или иной теории чрезвычайно важно для адекватного постижения ее сути, для объяснения многих аспектов путем выведения их из одного — определяющего.

В этом легко убедиться на примере двух вариантов интерпретации концепции Ф. де Соссюра (в главе восьмой и в главе девятой). Первоначально теория

Ф. де Соссюра — родоначальника структурализма — излагается исходя из развиваемого им представления о языковой системе как совокупности отношений. Однако при более глубоком рассмотрении оказывается, что сведение языка к структуре является у Ф. де Соссюра логическим следствием его методологической установки рассматривать язык безотносительно к естественным вещам и их отношениям.

Как видно, теория языка немало зависит от того, учитывается ли в полной мере его *взаимодействие со средой*, в которой он существует. Того же требует и функциональный подход к языку: его функции и внутреннее устройство задаются запросами трех надсистем — *физической, социальной, психической*.

Поэтому в предлагаемой вниманию читателей книге автор берет за основу данное В. фон Гумбольдтом определение языка, согласно которому *язык* представляет собой *особый мир — посредник между миром внешних явлений* (природой, вселенной, универсумом) *и внутренним миром человека* (его духом, его психикой, его мышлением) [Гумбольдт 1984: 304–305].

Благодаря своему посредничеству между миром и человеком язык, опираясь «на совокупность человеческой духовной силы», отражает в себе мир [Там же: 66, 320; 1985: 401] и «становится для говорящей на нем нации органом постижения мира, возникновения и формирования идей, импульсом для развития духовной деятельности человечества» [Гумбольдт 1985: 386].

Следовательно, во взаимодействии с миром внешних явлений и внутренним миром человека язык — неотъемлемая составляющая этого внутреннего мира — отнюдь не пассивен. Поскольку «...закономерностям природы сродни закономерности языкового строя» [Гумбольдт 1984: 81], человек, утверждает В. фон Гумбольдт вслед за Э. Б. де Кондильяком, «живет с предметами так, как их преподносит ему язык» [Там же: 80].

Еще очевиднее конструктивная роль языка в отношении мышления. Хотя в нераздельном и неслиянном единстве языка и мышления определяющим является мышление с его законами и потребностями, язык в свою очередь представляет собой «образующий орган мысли» [Там же: 75]. Вне языка «...мысль не сможет достичь отчетливости и ясности, представление не сможет стать понятием» [Там же]. Поэтому сам В. фон Гумбольдт намеревался 1) «исследовать функционирование языка в его широчайшем объеме — не просто в его отношении к речи и к ее непосредственному продукту, набору лексических элементов, но и в его отношении к деятельности мышления и чувственного восприятия», 2) рассмотреть «весь путь, по которому движется язык — порождение духа, — чтобы прийти к обратному воздействию на дух» [Там же].

Рассмотрение языка во взаимодействии с миром внешних явлений и внутренним миром человека дает возможность четко *отграничить синтезирующие лингвистические концепции от аспектирующих*.

Синтезирующие концепции исходят из *триединства мира внешних явлений, внутреннего мира человека и языка*. Соответственно, сущность языка

усматривается в том, чтобы «отливать в форму мыслей материю мира вещей и явлений» [Гумбольдт 1984: 315].

Аспектирующие концепции пытаются рассматривать язык в отвлечении и *либо от внешнего мира, либо от внутреннего мира человека, либо* и вовсе «*имманентно*» — *безотносительно к обоим этим мирам*, так чтобы язык предстал наконец не конгломератом внеязыковых (физических, физиологических, психологических, логических, социологических, исторических) проявлений языка, но «организованным целым с языковой структурой как ведущим принципом» [Ельмслев 1960в: 260]. Поскольку же до Ф. де Соссюра господствовали «трансцендентные» виды лингвистики, «по этой причине история теории языка, — считает Л. Ельмслев, — не может быть прослежена — она слишком непоследовательна» [Там же: 268].

Тем не менее выполненное автором исследование философско-лингвистических взглядов на соотношение бытия (Б), мышления (М) — как важнейшего проявления внутреннего мира человека — и языка (Я) дает возможность впервые выявить *7 этапов в эволюции общей теории языка: в направлении от изначального синкретизма бытия, мышления и языка (по Пармениду) к натуроцентризму (модисты), далее к логоцентризму (авторы Пор-Рояля), через синтез (с одной стороны, В. фон Гумбольдт, А. А. Потебня, И. А. Бодуэн де Куртенэ, с другой — Э. Сепир и Б. Ли Уорф, подготавливающие следующий этап) к лингвоцентризму (Ф. де Соссюр, Л. Ельмслев и в целом структурализм), наконец к новому синтезу во взаимодействии лингвистики с когнитивными науками (Г. П. Мельников, А. Д. Кошелев).*

Вполне закономерно вторичность языка по отношению к бытию осознается раньше, чем его зависимость от мышления, а влияние языка на мышление заметили до того, как утвердилось представление об определяющей роли языка в членении и восприятии человеком действительности. Не случайно объяснение грамматического строя как основы языка сначала ищут во *внешнем* мире (модисты), затем во *внутреннем* мире человека (авторы Пор-Рояля, Э. Б. де Кондильяк, В. фон Гумбольдт) и лишь потом в самом *языке* (структуралисты).

После синтезирующей концепции В. фон Гумбольдта общая теория языка приобрела, казалось, статус самостоятельной научной дисциплины. Однако многие поднятые им вопросы нуждались в дальнейшей разработке. Прежде всего это касалось определения *предмета языкознания* как науки. Чтобы его определить, на протяжении XIX–XX вв. появляется целый ряд аспектирующих учений, стремящихся постичь язык в отвлечении от человека, от диалектического *единства* в нем и в его языке *природного* и *социального*, *физического* и *психического*, *объективного* и *субъективного*, *общественного* и *индивидуального*.

В самой последовательности аспектирующих теорий языка тоже есть своя логика: сначала в языке усматривают *природный организм* (А. Шлейхер), затем — *психофизическое образование* (младограмматики) и лишь позднее — *чисто психическое явление* (Ф. де Соссюр, Л. Ельмслев).

Шумный успех идей Ф. де Соссюра немало способствовал интенсивному развитию структурализма на протяжении XX в. В то же время долгое господство структурализма в языкознании отчетливо обнаружило, насколько недостаточно ограничивать анализ структурой языка безотносительно к внешнему и внутреннему миру человека. Явная ущербность узко понимаемого структурного подхода с преимущественной ориентацией на формальный метод становится особенно нетерпимой по мере всё большего осознания первостепенной значимости *семантической стороны* языка. Ведь ее постижение невозможно без обращения к миру внешних явлений и его отражению во внутреннем мире человека. Это понимали уже в пражской школе структурной лингвистики. Не случайно в ее концепции ясно прослеживаются тенденции синтезирующего толка.

Еще определеннее они дают о себе знать в концепции Н. Я. Марра, нацеленной на анализ возникновения и развития языка–мышления, в том числе его содержательной (семантической) стороны, в увязке с историей материальной культуры. В своей генетической семантике Марр связывает последовательность осознания предметов в процессе творчества человеческой культуры с появлением соответственных словесных знаков, при этом слова объективного порядка возникают раньше субъективных, а среди частей речи глагол в силу большей отвлеченности формируется позже имен и их заместителей.

Поворот к семантике выявил свою плодотворность в концепции Э. Сепира. Утверждая, что никакое человеческое суждение немислимо вне связи с конкретным чувственным миром, Э. Сепир выделял два основных базовых класса языковых значений — *конкретные* значения (предмета, действия, качества) и *чисто абстрактные (чисто-реляционные)* значения.

Шагом к синтезу является и предложенная Э. Сепиром и Б. Л. Уорфом теория лингвистической относительности понятийных систем. Вопреки Ф. де Соссюру, полагавшему, что естественные вещи и их отношения не имеют отношения к действительности и ее отражению в мышлении, Сепир и Уорф отнюдь не пренебрегают триединством бытия, мышления и языка. Только в отличие от В. фон Гумбольдта ведущую роль в этом триединстве отводят языку. В частности, Б. Л. Уорф исходит из влияния грамматики как на теоретическое мышление, так и на восприятие и членение реальной действительности.

Не вызывает сомнения синтезирующий статус учения Г. Гийома. Обусловленное великим противостоянием Универсума и Человека отношение всеобщего и единичного в языковом сознании в свою очередь приводит к порождению материи и формы и далее — к образованию общих и частных грамматических категорий либо в универсуме Время, либо в универсуме Пространство, определяя таким образом всю структуру языка.

Исходя из малого противостояния Человек / Человек, Г. Гийом всесторонне обосновывает противоположение языка и речи в речевой деятельности.

Дух синтеза, присущий концепции Э. Бенвениста, предопределяется выделенными им детерминантными свойствами языка, в первую очередь тем, что язык

имеет знаковую природу, сочетая два способа означивания: *семиотический*, свободный и независимый от всякой референции, и порождаемый речью *семантический*, основанный на всех референтных связях.

Благодаря семантическому способу означивания язык способен выполнять свою первую (и основную) функцию — воспроизводить действительность.

На пути к целостной концепции языкового знака особое место занимает синтезирующее по сути учение К. Бюлера.

В сравнении с последовательно синтезирующими теориями языка и лингвистическими концепциями с очевидной направленностью к синтезу завоевавшая мир концепция Н. Хомского таковой не является. Знаменитый ученый рассматривает язык как биологический объект, биологический орган вне отношения к внешнему миру, включая социальный, а потому его теория имеет выраженный аспектирующий характер.

Тем актуальнее становится задача нового синтеза в теоретической лингвистике, о настоятельной необходимости которого уже в 60–70-х гг. прошлого века писал Г. П. Мельников. По его заключению, сформулированному им в докторской диссертации (1990), «на современном этапе развития науки господствовавшие до недавнего времени тенденции ко всё большей дифференциации научных дисциплин сменились тенденциями к их интеграции. Лингвистика, с такой ее отраслью, как типология языков, стала важным компонентом нового синтезирующего направления, за которым начинает закрепляться название “когнитивные науки”». Разработку общих принципов типологии Г. П. Мельников рассматривает в качестве основы для интеграции многообразных типологических концепций [Мельников 2003: 85].

С 1990 г. прошла еще четверть века. В последнее время с призывом к синтезу в теории языка регулярно обращается А. Д. Кошелев. В связи с выделением и развитием когнитивной науки в самостоятельную область знания, вобравшую в себя достижения многих смежных с языковедением научных дисциплин, новый синтез, согласно А. Д. Кошелеву, *должен осуществляться на основе когнитивного подхода к языку*, тем более что именно языку принадлежит ведущая роль в когнитивной сфере. Только так удастся преодолеть кризисные явления как в когнитивной науке, так и в теоретической лингвистике [Кошелев 2013а; 2013б; 2014а; 2015б] и вновь вернуться к решению задачи, поставленной когда-то В. фон Гумбольдтом, — «рассмотреть язык с точки зрения разносторонних связей человека» [Гумбольдт 1985: 348].

Чтобы преодолеть кризис лингвистики, когнитивной науки и, шире, кризис субъекта [Гиренок 2015: 12], программа нового синтеза не может не учитывать опыт предшествующих синтезирующих учений Платона, В. фон Гумбольдта, А. А. Потебни, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Г. Гийома, Г. П. Мельникова, ибо они являются *«последовательными стадиями развития системы знаний об объективных сущностных характеристиках объекта»* и, значит, выполняют функцию формирования методологии данной науки, в частности языкознания [Мельников 1986: 14–15].

В целях определения методов исследования при осуществлении следующего синтеза нелишне также иметь в виду, что, согласно А. А. Потебне, цель любой науки — *объяснить* исследуемые явления и *прогнозировать* ее дальнейшее развитие, а это невозможно без опоры на историзм познания. Ведь «основной вопрос всякого знания — *откуда* и, насколько можно судить по этому “откуда”, *куда* мы идем» [Потебня 1968: 503].

Вот почему нельзя продолжать игнорировать вклад отечественных создателей синтезирующих лингвистических учений — от А. А. Потебни и И. А. Бодуэна де Куртенэ до Г. П. Мельникова и А. Д. Кошелева.

Напомню, что у истоков современной когнитивной науки стоял А. А. Потебня, который видел в языке средство познания и систему приемов познания [Потебня 1981: 133; 1976: 259], а в форме существования языка — деятельность, направленную к познанию человеком мира и самого себя, слагающую и постоянно развивающую мирозерцание и самопознание человека и тем самым меняющую отношение личности к природе [Потебня 1981: 113; 1976: 171]. Немаловажно, что именно А. А. Потебня четко разграничил *внеязычное (мыслительное)* и *языковое содержание* [Потебня 1976: 263; 1977: 119; 1958: 17–19, 36]. Он же осуществил синтез сравнительного и исторического методов.

И. А. Бодуэн де Куртенэ последовательно учитывает *взаимодействие языка с надсистемами*, в которых он существует. По Бодуэну, человек принадлежит одновременно ко вселенной, к органическому миру и к миру психосоциальному [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 191]. В социальном общении между людьми с помощью языка задействованы четыре мира: *психический мир* индивида, *биологический* и *физиологический мир* данного организма (и других членов языковой общности), *внешний физический мир* и, наконец, *социальный мир* [Там же, II: 191–192].

Языковое знание, т. е. «воспринимание и познание мира в языковых формах» [Там же, II: 95], включает «знание всех областей бытия и небытия, всех проявлений мира, как материального, так и индивидуально-психического и социального (общественного)» [Там же, II: 312].

Так как «психический мир не может развиваться без мира социального, а социальный мир зависит от коллективного существования психических единиц» [Там же, II: 191], Бодуэн говорит о едином психосоциальном мире и постоянном психическом существовании индивидуального и коллективного начал в языке.

Языкознание — дисциплина психосоциальная, как и другие науки о человеке (биология, антропология, психология, социология, этнология и т. д.), полагает Бодуэн, находится на границе между естественными и гуманитарными науками — ввиду их обращенности, с одной стороны, к внешнему миру, к природе, а с другой — к личности, к психике человека [Там же, II: 326].

Разграничив индивидуальный и коллективный язык, Бодуэн раскрыл их единство и взаимодополнительность, показал диалектическую взаимосвязь общечеловеческого, этнического (национального) и индивидуального.

Хотя в становлении индивидуального языка участвуют два фактора — *наследственный* (биологический и психологический [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 195]) и *социальный*, Бодуэн не приемлет биологический детерминизм, проявившийся когда-то в концепции А. Шлейхера, а в наши дни — в учении Н. Хомского. Согласно Бодуэну, «язык не может быть унаследован» [Там же, I: 335] и «отдельные языки ни в коем случае не суть нечто само по себе врожденное» [Там же, II: 139]. Строго различая биологическое и социальное в образовании индивидуального языка, Бодуэн на первый план выводит социальное начало, ибо «наследственность является биологическим фактором, тогда как каждый индивид приобретает язык путем социального общения» [Там же, I: 335]. Такая точка зрения и поныне является господствующей в отечественной науке.

Особая заслуга И. А. Бодуэна де Куртенэ состоит в том, что он первым разработал вполне современное учение *о системе* языка, не сводя ее, в отличие от Ф. де Соссюра, исключительно к совокупности отношений, т. е. к *структуре*, и рассматривая каждый данный момент «в связи с полным развитием языка». К Бодуэну восходят сегодняшние представления о языковой системе как целостной совокупности взаимосвязанных единиц, об уровне ее организации, о зависимости свойств языковых единиц от их места в системе, об иерархии единиц, о типах отношений между ними, о механизмах их выделения и функциях, о характере и пределах вариативности, требующей различения инвариантных, как теперь говорят, единиц и их манифестаций.

Следуя «систематике языков», синтезирующей в учении И. А. Бодуэна де Куртенэ разноаспектные их классификации, Г. П. Мельников последовательно развивает идеи системной лингвистики и на основе достижений *системологии* разрабатывает свою синтезирующую версию теории языка — *системную типологию языков*, ее принципы и методы.

Г. П. Мельников видит в языке прежде всего *коммуникативное устройство*. Выполняющий коммуникативную функцию язык (языковое сознание) представляет собой «средство превращения несоциализированного сознания в социализированное в каждом индивидуальном сознании» [Мельников 2003: 98].

Взаимоотношения индивидуального и социального сознания зависят, по мысли Мельникова, от особенностей языкового коллектива как надсистемы по отношению к языку и от условий речевого общения во времени и пространстве в мире как надсистеме высшего порядка по отношению к социальной среде. Наивысший уровень системности образуют *социально значимые характеристики* — 1) *особенности языкового коллектива*, в котором формировался данный языковой тип: *величина коллектива, однородность — разнородность* (смешанность) его состава, *оседлый — неоседлый образ жизни*; 2) *режим общения* во внешнем мире — его *прерывность — непрерывность* во времени и пространстве. Именно эти характеристики обуславливают специфику морфологического строя различных типов языков и свойственный им *коммуникативный ракурс*, который выявляется в особенностях смысловой схемы типовых высказываний.

Мельников различает *четыре главных коммуникативных ракурса* и соответственно *четыре внутренние детерминанты* (внутренние формы, в определении Гумбольдта), которые характеризуют морфологические типы языков, выделенные Гумбольдтом: *обстановочная* — инкорпорирующий тип, *качественно признаковая* — агглютинирующий тип, *событийная* — флективный тип, *окказиональная* — корнеизолирующий тип.

Степень близости индивидуальных сознаний у членов языковых коллективов различается в зависимости от морфологического типа языка. Она является наибольшей у говорящих на инкорпорирующих языках, ниже у носителей агглютинативных и тем более флективных языков, наименьшей — у носителей корнеизолирующих языков.

Г. П. Мельников осуществляет *синтез морфологической классификации языков со стадильной* [Мельников 2000], что согласуется с учением В. фон Гумбольдта о развитии грамматических форм — от отсутствия форм через их аналоги к подлинным формам [Гумбольдт 1984: 343–344].

А. Д. Кошелев делает следующий важнейший шаг — к *синтезу когнитивной и языковой способностей* в их взаимосвязанном развитии, к системному единству *универсального и специфического, абстрактного и конкретного* в языке. Он исходит из закономерностей в познании объекта — *от нерасчлененного самого общего представления об объекте к выделению в нем отдельных аспектов* и далее к *синтезу* накопленных таким образом *знаний о различных сторонах объекта в системном целостном его представлении*.

Противопоставив универсальное специфичному, А. Д. Кошелев выделяет две глобальные парадигмы в эволюции теории языка — Универсальную и Лингвоспецифичную [Кошелев 2014в: 221]. В соответствии с развитием знания о языке они определяют цикл развития в направлении *от синкретичной целостности знания к развивающейся дифференциации универсальной и лингвоспецифичной парадигм и далее к системной целостности синтетической универсально-специфичной парадигмы*. Лингвистика XXI в. должна стать следующим этапом в развитии синтезирующих системных учений о языке [Там же: 228–232].

А. Д. Кошелев предлагает построить *заново всеобъемлющую всестороннюю теорию языка в синтетическом взаимодействии* лингвистики со всем кругом наук о человеке, что означает переход к *новой* единой когнитивной парадигме, не ограниченной традиционно выделяемыми когнитивными науками [Кошелев, в печати: 45–46].

Руководствуясь новым пониманием когнитивного подхода, с конца XX в. А. Д. Кошелев осуществляет референциальный анализ лексики и элементов сенсорной грамматики [Кошелев 1996].

Как пишет автор в своей итоговой анализируемой здесь книге (она готовится к печати), он исходит из того, что «наряду с функцией общения язык несет и другую (столь же важную) функцию: описание воспринимаемой действительности... которая не может эффективно реализовываться без референциальных значений.

Эти же значения (а не чисто языковые) лежат в основе языковой классификации действительности» [Кошелев, в печати: 189].

Придерживаясь когнитивного направления, А. Д. Кошелев дополняет референциальный подход к сенсорным элементам концептуальным. Поскольку первыми у ребенка формируются родовые категории, внимание автора сосредоточено на базовых концептах, т. е. на когнитивных понятиях, задающих родовые категории [Там же: 197]. Помимо визуальной формы предмета и визуального действия с ним, в формулу базового концепта, согласно А. Д. Кошелеву, должны быть включены две функциональные характеристики — *функция предмета* и *психофизическое состояние человека*, осуществляющего данное действие. Первая характеристика относится к предмету, вторая — к человеку [Там же: 200]. Под психофизическим состоянием автор понимает «нейронный код долговременной памяти..., фиксирующий типизированное текущее действие человека, т. е. двигательный концепт» [Там же: 221]. Так *в формуле базового концепта мир внешних явлений оказывается связанным с внутренним миром человека*.

Вслед за сенсорной лексикой автор рассматривает значение простого сенсорного предложения, в котором все слова являются сенсорными и употреблены в основных значениях [Там же: 283]. Учитывая, что «...важнейшими для человека внешними событиями являются наблюдаемые (текущие) изменения, происходящие в окружающем мире», «...исходными когнитивными единицами представления действительности и являются для человека элементарные изменения», иначе говоря, предметно-двигательные события [Там же: 284]. Первоначально человек воспринимает их синкретично. В классе визуально и функционально сходных событий «каждое событие непосредственно распознается как тождественное протоконцепту», т. е. обобщенному событию, отражающему внешний облик и интерпретацию наиболее типичных событий класса [Там же: 285].

Главное свойство детских протоконцептов — синкретизм, синтез различных характеристик, так что «ребенок и не может ни манипулировать мысленно этими характеристиками, ни называть их по отдельности, только — в совокупности» [Там же: 289]. В процессе развития протоконцепт делится на предметную и двигательную части. Далее двигательная часть членится на двигательный концепт и отдельные роли. Затем начинается этап интеграции. «Тем самым синкретичный протоконцепт преобразуется в систему концептов (своих частей)» [Там же: 290].

Как видно, по А. Д. Кошелеву, в развитии детских представлений о мире действует тот же фундаментальный принцип, что и в эволюции общей теории языка.

В заключение анализа сенсорного предложения А. Д. Кошелев предлагает новое понимание *когнитивного языка мысли*. Оно опирается на различение единиц двух уровней — *перцептивного* и *концептуального*. Несмотря на отличия в составе единиц на данных уровнях, элементы и конструкции концептуального уровня (вплоть до значения предложения), будучи сенсорными, подобно элементам перцептивного уровня обладают структурой «визуальный Прототип ← Интерпретация». Соответственно, в определении А. Д. Кошелева, «концептуальные единицы суть

структуры перцептивных и функциональных единиц, их интерпретирующих» [Кошелев, в печати: 306–307].

На основании проведенного в книге анализа автор предлагает следующую диахроническую формулу языка:

«Естественный язык = Сенсорный подъязык \Rightarrow Производный язык, где стрелка \Rightarrow обозначает метафорические и метонимические переносы основных значений единиц сенсорного подъязыка» [Там же: 307].

Эта формула имеет **фундаментальный** характер. В частности, она «позволяет объяснить диахронический процесс усвоения ребенком родного языка» [Там же] в социальном общении, прежде всего с матерью, благодаря их «совместным намерениям» [Томаселло 2011: 31, 69, 77–78 и др.].

Углубленный анализ языка в синтезирующих концепциях Г. П. Мельникова и А. Д. Кошелева, по сути, подготавливает разрешение кризиса в языкознании и когнитивных науках, требуя отказа от Вавилонского подхода [Мельников 2000; Кошелев 2013б], которым отличаются в своих исследованиях разнородные аспектирующие концепции современности.

И последнее — о собственном вкладе в теорию языка автора данной книги.

1. С единых позиций реконструированы и описаны ключевые философско-лингвистические и лингвистические концепции. *Исходя из **триединства мира внешних явлений, внутреннего мира человека и языка**, из взаимодействия языка со средой (физической, социальной, психической) выявлена достаточно строгая последовательность в эволюции общей теории языка* [Зубкова 1999/2003; 2002/2003; 2015], уточненная в данной книге.

2. В свете таких сущностных свойств языкового целого, как *членение, категоризация, иерархия* в членении и категоризации, разработано **системное обоснование внутреннего строя языка как единства плана содержания и плана выражения**.

Впервые определены универсальные и типологические закономерности фонемной структуры слова как значащей единицы, связанной иерархическими отношениями с предложением и морфемой.

Изучив основные типы словесных знаков: семиологические классы слов, включая базовые части речи (имена существительные и глаголы/предикативы), словообразовательные макропарадигмы (непроизводные слова и дериваты разных ступеней мотивированности), лексико-семантические категории (полисемии, синонимии, антонимии), автор доказывает, что «согласованность между звуком и мыслью» (по В. фон Гумбольдту), между означающим и означаемым как принцип знака заложена в категориально-иерархической организации обоих планов языка. Будучи языковой универсалией, категориально-иерархическая организация словесных знаков различных типов принимает разные формы в зависимости от *способа грамматической категоризации и глубины иерархического членения* языкового целого, причем типологическая неоднородность языка способствует реализации принципа знака.

Итак, *язык по своей внутренней организации есть категориально-иерархическая система знаков*. Любой знак (включая и непроемный словесный знак) представляет собой *коррелят той системы*, членом которой он является. Поэтому *языковой знак есть системно мотивированная двусторонняя сущность* [Зубкова 1978; 1990; 1999/2003; 2010; 2015: 643–709].

* * *

Уникальный опыт синтезирующего всеохватного подхода к языку в отечественной лингвистической традиции отнюдь не случаен. Он проистекает от свойств русской ментальности и русского языкового мышления [Колесов 2004], из своеобразия русского стиля научного мышления [Флоренский 1990: 125–126], во всяком случае в гуманитарных науках и в философии [Степанов 1997: 352]. Русская философская мысль движима идеями целостности и всеединства. По словам В. В. Зеньковского, «русские философы, за редкими исключениями, ищут именно целостности, синтетического единства всех сторон реальности и всех движений человеческого духа» [Зеньковский 1991, I, ч. 1: 17].

Благодарности

Первые слова моей благодарной любви и самой нежной признательности моим удивительно доброжелательным заботливым родителям и необыкновенно милосердной сестре. По сути, мамочке, папуле и Нинусе я обязана всем — и тем, что живу, и тем, чего удалось добиться в науке.

Когда я слегла, своим терпением, заботой и самоотверженностью Ниночка буквально спасла меня, как раньше спасала маму и папу.

Ниночка целиком и полностью подготовила к печати две мои недавние книги, выпущенные издательством ЯСК, и заставила внести в них правку. К сожалению, последнюю, посвященную ей монографию Ниночка так и не увидела: коварный недуг сразил ее, а я не сумела спасти ей жизнь. Остался только живой свет ее души...

Я глубоко признательна сотрудникам издательства ЯСК, взявшим на себя инициативу выпуска данной книги, тем более что и в ней немалая доля труда Ниночки.

Прежде всего большое спасибо директору издательства Михаилу Ивановичу Козлову и главному редактору Алексею Дмитриевичу Кошелеву.

Особая признательность всем, кто непосредственно работал с рукописью и оформил книгу: Сергею Александровичу Жигалкину, Елене Александровне Морозовой, Татьяне Юрьевне Фроловой, Ирине Владимировне Богатыревой, Евгении Николаевне Зуевой.

Искренне благодарю милую Веру Владиславовну Столярову: она от начала до конца всё направляла и согласовывала. Своевременный выход в свет этой книги — бесспорная ее заслуга.